

СИСТЕМА ОТНОШЕНИЙ «ПАТРОН–КЛИЕНТ» В ПРИДВОРНОЙ БОРЬБЕ «РУССКОЙ» И «НЕМЕЦКОЙ» ПАРТИЙ 1730-х гг.

Аннотация. В статье рассматривается феномен придворных партий и роль отношений между патроном и клиентами в придворной борьбе в царствование Анны Иоанновны. Данные неформальные институты оказывали весомое воздействие на функционирование Российской империи. Борьба за милости монарха, дискредитация в его глазах своих противников, попытки назначения на государственные должности своих сторонников составляли смысл существования такой партии. В случае удачных для партии «перемен при дворе» ее участники могли рассчитывать на карьерный рост и материальные блага. Однако покровительство и милости могущественного патрона могли иметь негативные последствия для его клиентов в случае его «падения», примером чему служит дело А.П. Волынского.

Ключевые слова: бироновщина, патрон, клиент, партии, Анна Иоанновна, А.П. Волынский, Э.И. Бирон.

Царствование Анны Иоанновны обычно ассоциируется в отечественной историографии и художественной литературе, прежде всего с феноменом «бироновщины» и борьбой за власть двух придворных партий – «русской» и «немецкой». «Вождем» «русской» партии, признавался кабинет-министр А.П. Волынский, а лидером «немецкой» партии – герцог Курляндский Э.И. Бирон. «Драматическое» противостояние этих людей представлялось наподобие борьбы света и тьмы, «русских патриотов» с «засильем иноземцев»¹. Но если подобные штампы и развенчаны к настоящему времени², то исследований о феномене «партий» сравнительно немного.

Эпоха «бироновщины» традиционно интерпретируется в отечественной историографии как период засилья иноземцев – небольшой, но сплоченной группы выходцев из Прибалтики и германских княжеств. Во главе этого землячества стоял могущественный фаворит императрицы Анны Иоанновны Э.И. Бирон. Однако при ближайшем рассмотрении немецкая партия оказывается не такой уж этнически однородной, к тому же расколотовой на несколько группировок.

Во-первых, в эту влиятельную группировку входили многие представители титулованного русского дворянства, высшего чиновничества и генералитета – кн. А.Б. Куракин, гр. М.Г. Головкин, адмирал Н.А. Головин, А.П. Бестужев-Рюмин, да и кабинет-министр А.П. Волынский успешно продвигался по карьерной лестнице не без помощи Б.Х. Миниха, К.Г. Левенвольде и Э.И. Бирона. Во-вторых, кажущееся единство немцев в действительности является не более чем мифом, поскольку каждый из влиятельных иностранцев аннинского царствования был весьма амбициозен, и готов оспорить могущество герцога Курляндского при первом же удобном поводе. Как известно, после смерти своей покровительницы Бирон продержался у власти не более трех недель, чему в немалой степени способствовало его неумение обзавестись партией лиц, преданных лично ему. В тоже время, вице-канцлер А.И. Остерман с успехом продвигал по службе своих русских родственников (например, братьев своей жены Марфы Ивановны –

* **КРЮЧКОВ Николай Николаевич** — кандидат исторических наук; Рязанский государственный радиотехнический университет им. В.Ф. Уткина; кафедра истории, философии и права; доцент; г. Рязань, Россия; *n.n._kryuchkov@mail.ru*.

¹ Кизеветтер А.А. Артемий Петрович Волынский // Исторические силуэты. Ростов н/Д., 1997; Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волынский и его «конфиденты» // Русская старина. 1885. № 10. С. 17–54.

² Курукин И.В. Артемий Волынский. М., 2011; Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М., 2014.

Н.И., В.И. и П.И. Стрешневых, и своего зятя кн. И.А. Щербатова) и преданных ему чиновников коллегии иностранных дел (таких как И.И. Неплюева)¹.

Однако наиболее могущественной из немецких партий был клан Минихов и Менгденов². Фельдмаршал Б.Х. Миних породнился с президентом Коммерц-коллегии Карлом-Людвигом Менгденом, выдав за последнего замуж свою племянницу Христину Вильдеман, а свою дочь Христину-Елизавету за его старшего брата Иоганна-Генриха Менгдена, генерал-поручика и президента лифляндского гофгерихта. Кроме того, Карл-Людвиг привез в Санкт-Петербург четырех своих кузин – Доротею, Юлианну, Якобину и Аврору и постарался устроить выгодные партии для девушек. Юлианна стала любимой фрейлиной и задушевной подругой принцессы Анны Леопольдовны, которая намеревалась выдать замуж за саксонского посланника графа Линара (к которому благоволила принцесса). Доротея стала женой сына фельдмаршала – Эрнста Миниха, камер-юнкера, а затем обер-гофмейстера Анны Леопольдовны. Подобные родственные связи объясняют причину, по которой Минихи и Менгдены совершили дворцовый переворот в пользу Анны Леопольдовны (и дождь наград обрушившийся на них). Также становится понятным, почему пришедшая к власти Елизавета Петровна постаралась отправить это семейство в ссылку³.

Князь П.В. Долгоруков дает крайне отрицательную характеристику семейству Менгден, называя их ловкими интриганам⁴. Для характеристики их изворотливости внимания заслуживает судьба еще двух сестер Менгден. Якобина (? – ?), по замыслу своего кузена должна была выйти замуж за Густава Бирона (1700–1746), брата фаворита, но после падения временщика брак расстроился. Якобина разделила судьбу своей сестры Юлианны, отправившись вместе с брауншвейгским семейством в ссылку и провела в Холмогорах более 20 лет. Анна-Аврора (? – ?) стала в 1748 г. супругой Лестока, лейб-медика и любимца Елизаветы Петровны. Вероятно, планировалось использовать этот союз, чтобы облегчить судьбу родственников – однако, у судьбы были другие планы. Анна-Аврора вскоре также оказалась в ссылке, когда ее мужа постигла опала. Из четырех сестер ссылку перенесли только Юлианна и Якобина, остальные сестры и их кузен-интриган скончались⁵.

Что же касается пресловутой «русской» партии, то подобное название часто используется для обозначения группы русских дворян-патриотов ориентированных на Елизавету Петровну и выступавших против «бироновщины». Возникает вопрос: кого же можно отнести к «русской партии»? Тех русских дворян, кто мечтал возвести на престол «дочь Петрову» – Елизавету Петровну, или всех недовольных пресловутым «засильем иностранцев» при Анне Иоанновне? Однако, само существование «партии Елизаветы» весьма сомнительно. По мнению И.В. Курукина «пружинами» дворцового переворота 25 ноября 1741 г. послужили рядовые гренадеры Преображенского полка, а широкой поддержки со стороны вельмож и гвардейских офицеров не было (естественно, кроме придворных «малого двора» цесаревны). Более того, Курукин подвергает сомнению «тезис о патриотическом подъеме в сознании общества», выдвинутый С.М. Соловьевым. Даже в 1741 г. цесаревна не рассматривалась в качестве серьезной кандидатуры на престол: единственным делом в Тайной канцелярии, в котором упоминалась кандидатура

¹ О семейных связях А.И. Остермана см., напр.: Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 413–414.

² Крючков Н.Н. Придворная свадьба в жизни русского императорского двора Анны Иоанновны // Актуальные вопросы гуманитарного образования: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. В.С. Авдониной, С.В. Демидова, А.С. Соколова. Рязань, 2012. С. 70.

³ Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1856. Ч. 3. С. 190.

⁴ Цит. по: Долгоруков П.В. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны: из записок князя П.В. Долгорукова // Анна Иоанновна. М., 2007. С. 121–122.

⁵ Анисимов Е.В. Русский застенек. Тайны Тайной канцелярии. М., 2010. С. 359.

Елизаветы Петровны, было дело о письме к ней сумасшедшего, объявившего себя российским царем Петром, и собиравшемся жениться на «российской цесаревне Елизавете»¹. В этом случае становятся понятны показания Волынского на следствии, в которых он говорил о том, что не любил цесаревну и «признавал ее ветреницей»². Подобное признание некоторые историки склонны расценивать как стремление Волынского выгородить Елизавету Петровну³, однако, по всей видимости, Волынский даже не задумывался о кандидатуре цесаревны.

Если говорить о всех недовольных «бионовщиной», то таких «патриотов» в царствование Анны Иоанновны было предостаточно. Недовольство высказывали кабинет-министр кн. А.М. Черкасский, и родственник императрицы С.А. Салтыков со своими сыновьями. Это не было секретом даже для таких сторонних наблюдателей, как иностранные дипломаты. Так, прусский посланник А. фон Мардефельд в разгар дела Волынского упоминает об этом в своих донесениях: «...так как они [Салтыковы – *авт.*] были неспособны принимать участие в управлении делами, то и были совершенно отдалены от них; крайне раздраженные этим, и завидуя огромному доверию, оказываемому герцогу Курляндскому, они иногда искали забвения в вине и напивались до такой степени, что у них невольно вырывались оскорбительные слова, навлекшие на них негодование Ея Императорского Величества и Его Высочества...»⁴. Недовольство же А.М. Черкасского лучше всего описал в своем фундаментальном труде С.М. Соловьев: «...Черкасский был недоволен Остерманом, Бироном, Анною; ему казалось, что за такие важные услуги он был мало награжден; он досадовал, что ему не дано главной роли: что бы он, по своим способностям, сделал с своею главною ролью, он об этом не рассуждал, только неприятно было, что другие пользуются большим влиянием на дела, чем он...»⁵.

По всей видимости, необходимо различать понятие «русской партии» и «партии Волынского». Если под партией кабинет-министра понимать его окружение, то при ближайшем рассмотрении выясняется, что окружение Волынского было слишком разнородным. С одной стороны, сюда можно отнести людей, связанных с кабинет-министром родственными связями («свойственников») и дружескими отношениями, с другой стороны – пресловутых «конфидентов» («доверенных лиц»), наконец к партии Волынского необходимо отнести клиентов могущественного вельможи. Данная классификация достаточно условна, поскольку клиент мог быть родственником, а благодаря личным качествам приобрести особое доверие своего патрона.

Понятия «патрон» и «клиент» возникли впервые еще в эпоху Античности, когда знатные римские граждане (чаще всего из патрицианских родов) брали под покровительство менее знатных свободных граждан, становившихся зависимыми от них, выступая в суде в качестве *патрона* – защитника. Вместе с тем, аналогичные отношения появились и в Российской империи в XVIII в., что связывается с феноменом «птенцов гнезда Петрова». Военачальники и государственные деятели, они были по своему происхождению людьми самого разного звания, и сделали блестящую карьеру не только благодаря своим способностям и талантам, но и за счет взаимной поддержки и сплоченности.

Итак, знатность рода и родственные связи перестали быть определяющим

¹ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. С. 330.

² Цит. по: Записка об Артемии Волынском // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при имп. Московском ун-те. Кн. 2, апрель–июнь 1858. С. 156.

³ См., напр.: Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 113.

⁴ Делеши прусского посланника при русском дворе Акселя фон Мардефельда 1740 г. // Древняя и новая Россия. 1876. № 4. С. 401.

⁵ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. в 18 кн. М., 1993. Кн. 10. Т. 19–20. С. 654.

фактором в карьере – на смену им приходит поддержка «сильных персон» или «милостивцев». В роли покровителя – «патрона» (данное слово прочно вошло в лексикон русского дворянина – *авт.*) мог выступать как влиятельный родственник, могущественный друг, «особа приближенная к Императору/Императрице». В любом случае, вне зависимости от того какие отношения связывали покровителя и опекаемого им «человечка», последний не скупился на уверения в преданности, скромные и не очень подношения.

Когда после смерти Петра развернулась ожесточенная борьба за власть, и каждая из противоборствующих сторон боролась за место под солнцем с помощью назначения своих клиентов и разоблачений действий противников. Естественно, что любой мало-мальски крупный государственный деятель старался окружить себя преданными клиентами, но прежде того, как стать «патроном» ему самому приходилось искать покровительства милостивца. Сам А.П. Волынский за время своей карьеры успел побывать клиентом Б.П. Шереметева и П.П. Шафирова, А.В. Макарова и В. Монса, А.Г. Долгорукого и С.А. Салтыкова, Б.Х. Миниха, К.Г. Левенвольде и Э.И. Бирона, что хорошо прослеживается по его переписке¹.

Понятно, что самолюбивому человеку – а именно таким был кабинет-министр Анны Иоанновны – тяжело просить и кланяться. Однако в ситуации, когда ты вынужден это сделать единственной успокоительной сентенцией может стать мысль о том, что кто-то когда-нибудь будет кланяться тебе.

Наличие «партии» из клиентов в период следствия над Артемием Петровичем возбудило обоснованные подозрения. Но отвечая на вопрос следователей «...для чего <он> ласкал офицеров гвардии», кабинет-министр отвечал, что «ласкал военных и гражданских чиновников для того чтобы не слыть грубым»². Интересно, что саксонский дипломат Петцольд раскрывает тайну того, как Волынский смог обзавестись «партией» из преданных ему людей. По его версии, Волынский «...немедленно узнавая от секретаря Эйхлера (одного из своих «конфидентов» – *авт.*) кому назначали императрица и герцог Курляндский открывавшиеся должности, он поспешал уведомить местных соискателей, каких повышений могут они ожидать от его ходатайства, и подобного рода проделками приобрел себе в государстве славу благосклонного и всемогущего министра»³.

Тем не менее, далеко не каждый человек, побывавший в гостеприимном доме вельможного барина, становился его клиентом. Естественно, что кабинет-министр кн. А.М. Черкасский, генерал-кригс-комиссар Н.Я. Трубецкой, сенаторы А.Л. Нарышкин, В.Я. Новосильцев и М.Г. Головкин, генерал А.И. Румянцев добились своих постов отнюдь не благодаря Артемию Петровичу. Дружеские (и зачастую родственные) отношения, приятные и необременительные взаимные услуги, и даже знакомство с проектами кабинет-министра не были чем-то крамольным и не могли быть представлены как заговор и подготовка дворцового переворота.

Собственно, среди высокопоставленных клиентов Волынского можно выделить В.И. Чичерина, В.А. Урусова, С.Л. Игнатьева и Я.П. Шаховского. Капитан лейб-гвардии Семеновского полка В.И. Чичерин работал в комиссии о размножении конских заводов, и несмотря на то, что продвижения по службе он не получил по-видимому был доволен что не участвовал в русско-турецкой войне. Капитан-командор, а затем контр-адмирал В.А. Урусов служил в Адмиралтейской коллегии; в 1739 г. произведен в чин генерал-поручика и назначен главным командиром Оренбургской комиссии вместо тайного советника В.Н. Татищева. С.Л. Игнатьев генерал-майор и советник Военной коллегии, по представлению А.П. Волынского также стал генерал-поручиком и обер-комендантом

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 6. Оп. 1. Д. 276. Ч. 1, 2.

² Цит. по: Записка об Артемии Волынском... С. 151.

³ Герман Э. Жизнь Волынского, его заговор и смерть // Русский Архив. 1866. № 7. С. 1 370.

Санкт-Петербурга¹. Ротмистр конной гвардии Я.П. Шаховской благодаря протекции кабинет-министра также рассчитывал на блестящую карьеру. Но... именно в его случае приязнь и покровительство сильной персоны, «милостивца» сыграла злую шутку. Я.П. Шаховской, упоминая в своих «Записках...» об «особливой благосклонности» к нему Волынского. Он передает один из разговоров с Волынским весной 1740 г., в котором кабинет-министр уведомил его, что по сделанному им представлению императрице князя должны вскоре произвести в сенаторы. Однако вместо Сената князю пришлось довольствоваться должностью полицмейстера. Как известно, Я.П. Шаховской пользовался благосклонностью и Э.И. Бирона, поэтому вполне мог быть назначен на высокий пост, однако всемогущий фаворит весной 1740 г. находился в ссоре с Волынским. Вмешательство герцога, узнавшего что Шаховской «променял его на Волынского» (о чем он впоследствии сам сказал автору «Записок...»), привело по счастью только к данной кадровой перестановке. Ведь после ареста своего «благодетеля» князь всерьез опасался за свою судьбу: «...не по делам, но по знакомству одного несчастного министра»².

Иное дело «конфиденты» Артемия Петровича – вполне осознанно помогавшие своему влиятельному другу в написании проектов, составлявшие политические «антинемецкие» памфлеты, участвовавшие в «опасных» разговорах, и осведомленные о придворных интригах кабинет-министра. Имена их хорошо известны по популярной и художественной литературе: капитан флота коллежский советник А.Ф. Хрущов, архитектор и гоф-бау-интендант П.М. Еропкин, секретарь иностранной коллегии И. де ла Суда (работавший с ведома своего начальства), бывший обер-прокурор Сената и генерал-кригс-комиссар, вице-президент Адмиралтейской коллегии Ф.И. Соймонов, президент Коммерц-коллегии гр. П.И. Мусин-Пушкин, личный секретарь императрицы И. Эйхлер³. Все они были заслуженными и состоявшимися людьми, хотя впоследствии их будут обвинять в том, что они мечтали о «...значительных поместьях и местах первых министров»⁴. Однако исследователи зачастую забывают о том, что среди «конфидентов» были те, кого таковыми считать не принято, в силу незначительного положения – дворецкий Василий Кубанец и секретарь Василий Гладков. Вместе с тем, два «маленьких человека» «в немалой от Волынского конфиденции были», знали не меньше других конфидентов и даже давали Артемию Петровичу советы.

Однако именно «маленький человек» был основным типом клиента русского государственного деятеля, подмечавшего толковых подчиненных и продвигавшего их по карьерной лестнице. Секретари В. Гладков, П. Муромцев, советник А. Наумов, ассессоры П. Богданов, В. Смирнов и В. Десятов, адъютант П.Б. Родионов и унтер-шталмейстер Б.Г. Родионов, В. Неелов, архитектор И. Бланк – основной массой своей клиентелы Волынский обзавелся, работая в комиссии по размножению конских заводов и в должности обер-егермейстера. Каждый из них получал чины – не самые высокие (например, капитанский), но и перевод на новое не очень хлопотное место службы, они также были обласканы милостивым вниманием своего покровителя, который «добр бывал ко многим»⁵.

Клиенты Волынского – чиновники конюшенной канцелярии – фактически «партикулярно» работали на своего патрона: советник Александр Наумов надзирал за московским домом и лошадьми Волынского, ассессор Василий Десятов ведал деревнями и московским домом племянницы своего начальника – Елены Васильевны Волынской.

¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 220. Л. 81.

² Цит. по: Империя после Петра, 1725–1765. М., 1998. С. 22–24.

³ Курукин И.В. Артемий Волынский. М., 2011. С. 272.

⁴ См.: Герман Э. Жизнь Волынского, его заговор и смерть. С. 1367.

⁵ См.: Записка об Артемии Волынском... С. 156.

Сам Волынский выписывал последнему фиктивные поручения в Москве, чтобы избавить его от поездок. Различные частные поручения Волынского регулярно выполнял и ассессор Петр Богданов¹. Благодаря помощи С.Л. Игнатьева (советника Военной коллегии) Волынский взял к себе 6 солдат денщиками, которые «числили» этих денщиков солдатами; гарнизонного писаря Ерохина держал при себе для своих услуг, а жалованье платил ему как копиисту конюшенной канцелярии (50 руб. в год). С помощью того же Степана Игнатьева Волынский получил гарнизонных столяров для своих услуг на 6 месяцев, цуг вороных лошадей, столовые припасы². Через посредничество секретаря Гладкова и дворецкого Кубанца к кабинет-министру обращались многочисленные просители, сопровождая свои не всегда законные просьбы скромными и не очень дарами. Василий Неелов, ставший казанским прокурором присматривал за винокуренным заводом хозяйственного патрона. Последний, впрочем, при всем своем могуществе зачастую был вынужден занимать деньги у своих клиентов³.

Не стоит относиться к клиентам с пренебрежением: зачастую они были искренне преданы своему покровителю, не забывая его и в «черные» дни. Так знакомые и друзья Артемия Петровича навещали его даже под домашним арестом. Единственным из клиентов-конфидентов кабинет-министра, сыгравшим роковую роль в судьбе своего покровителя стал Василий Кубанец. Спасая свою голову от неминуемой каторги, он дал нужные показания, став основным свидетелем по делу Волынского, замешанными в котором оказались несколько десятков человек. И если влиятельные знакомые кабинет-министра отделались легким испугом, то большинство менее сановных персон были вынуждены пройти через следствие в Тайной канцелярии. При этом каждый из них мог легко быть представлен не только как свидетель, но и как соучастник должностных преступлений Артемия Петровича, а некоторым его наиболее близким сторонникам пришлось поплатиться за «конфиденции» ссылкой, каторгой или головой⁴.

Подводя итог, можно отметить важность проблемы «к кому отмена и кто в милости» для русского дворянства. Соперничающие у престола «партии», активно боролись за милости монарха с помощью назначения своих клиентов и разоблачений действий противников. Каждый дворянин искал себе «своего патрона», выступая в качестве «своего человечка». При удаче, покровитель поднимался на ступеньку выше, перетаскивая за собой шлейф клиентов. При неудаче страдали все.

Источники и литература

1. Анисимов Е.В. Русский застеночек. Тайны Тайной канцелярии М.: Центрполиграф, 2010. 411 с.
2. Герман Э. Жизнь Волынского, его заговор и смерть // Русский Архив. 1866. № 7. С. 1 351–1 373.
3. Дешети прусского посланника при русском дворе Акселя фон Мардефельда 1740 г. // Древняя и новая Россия. 1876. № 4. С. 401–402.
4. Долгоруков П.В. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны: из записок князя П.В. Долгорукова // Анна Иоанновна. М.: Мир книги, Литература, 2007. С. 3–162.
5. Долгоруков П.В. Российская родословная книга. СПб., 1856. Ч. 3. 524 с.; СПб., 1857. Ч. 4. 484 с.
6. Записка об Артемии Волынском // Чтения в имп. Обществе истории и древностей российских при имп. Московском ун-те. Кн. 2, апрель–июнь 1858. С. 135–170.
7. Империя после Петра, 1725–1765. М.: Фонд Сергея Дубова, 1998. 571 с.
8. Кизеветтер А.А. Артемий Петрович Волынский // Исторические силуэты. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 480 с.
9. Корсаков Д.А. Артемий Петрович Волынский и его «конфиденцы» // Русская старина. 1885. № 10. С. 17–54.

¹ РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 220. Л. 79 об. – 80.

² Там же. Л. 80–81.

³ Там же. Л. 74–76.

⁴ См.: Записка об Артемии Волынском... С. 169–170.

10. Крючков Н.Н. Придворная свадьба в жизни русского императорского двора Анны Иоанновны // Актуальные вопросы гуманитарного образования: Межвуз. сб. науч. трудов / Под ред. В.С. Авдонина, С.В. Демидова, А.С. Соколова. Рязань: РГРТУ, 2012. С. 67–76.
11. Курукин И.В. Артемий Волынский. М.: Молодая гвардия, 2011. 414 с.
12. Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Очерки политической истории послепетровской России. Рязань, 2003. 570 с.
13. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730–1740). М.: Политическая энциклопедия, 2014. 1 063 с.
14. Российский государственный архив древних актов. Ф. 6. Оп. 1. Д. 220, 276.
15. Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Соч. в 18 кн. М.: Мысль, 1993. Кн. 10. Т. 19–20.